

To: **Furtseva E.A.**, Member of the Secretariat of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, a Candidate to the Members of the Presidium [May 29, 1956]

Petition Letter

From Citizen Eloyan Rotefan Markosovich
residing at Moscow, I-75, I.S.G. Building 21,
Apartment 19.

Dear Comrade Furtseva E.A.! I kindly ask you to listen and ease my lot and that of my family. I'll try to describe my history as briefly and clearly as possible. I'll start from the beginning.

In June 1941 at only 15 years old I volunteered and was assigned to the armored cavalry battalion of the 13th Rifle Division. In October of that same year I was severely wounded in my left thigh. My ambulance was captured. That day began a future of misfortunes: hunger, endless physical sufferings by fascist brutality and later by my prison jailers here at home—deprived of every human dignity.

My youth and vitality enabled me to survive. As soon as I could walk I escaped and roamed village to village with a rotting wound using a stick as a crutch. I lived several months in the house of Ivan Mikheev in the village of Kamentshiki, in the region of Smolensk. But once the Germans discovered that there were soldiers hiding in the village, they came for me in Mikheev's house. I was arrested and sent to a metallurgic plant named Maksyuta near the city of Saalfeld in Germany.

I did not forget my Motherland while in captivity. I know it is not modest to talk about myself so directly, but I need to tell you things that I did not want to say during the investigation or in conversations. With a little effort it is possible to find witnesses who will corroborate my facts. During my first month in the [Maksyuta] factory, I was beaten because I protested over the murder of my comrade who had been killed by the senior German (I was only 16 years old). This is just one of dozens of similar incidents where the fascist beat me with a rubber truncheon, lead pipes and boots--sometimes to the point where I had to spend two weeks recovering in my barracks. Once during an inspection, a policeman beckoned me to come over to him with his index finger, then he beat me until he saw blood. I asked an interpreter the next day why I was beaten, and he answered: "Because you gave him an angry look."

Sadly, exactly the same thing occurred nine years later in the Motherland. Lieutenant Tarasov in Dubrovka, in the Karaganda region where I was imprisoned, beat my face. When I asked him the next day why he beat me, he said the same thing: "Because you gave me an angry look."¹ Fascist brutality and sadism was an illness cultivated by Hitler, but Tarasov's brutality

¹ Family Note: Fawning, subservient, cowed, fearful looks are preferred by such brutish people whose psyches demand looks of subservience from their captives. They get frustrated and lash out like they did with Rotefan when such captives exhibit any semblance of defiance to their injustices.

was different. His twisted mind enjoyed being greeted with smiles on the surface, even though he knew people despised him on the inside.

In 1945 our camp was liberated by the Americans.² They treated us Russian war prisoners with respect—as their equals. The war was still on and I was burning with a wild hate for the fascists; wanting to fight them right away. I told the Americans I was willing to fight at their side until the end of the War.³ When the War ended I was processed through our so-called filtration camps (which degraded human dignity) then came home.

Upon returning home I found my father ill and learned that my elder brother had lost his life in the Great Patriotic War. Honestly, I was not happy. Numerous pressures made by life miserable, including the bad financial condition of my father and others [friends], the humiliation of having to explain being a prisoner of war in job search questionnaires (you know how the average person doesn't understand such experiences), the injustices I had experienced, and my personal lot.

In 1946 I got married and tried to forget about the past. I was the happiest man on earth. My two sons were born whom I loved so very much. But in 1948 another misfortune befell me. I was imprisoned absolutely unjustly under Article 74 for one year for a misunderstanding when I refused to allow a militiaman to abuse his authority in managing a queue of people. He hit me when I compared him to a fascist. Nothing stopped my kangaroo-court sentence—not a petition by the 10 to 15 people who were in the queue and witnessed the militiaman's unfairness, my good work references, nor my wife's pleadings. I was judged and convicted within 2-3 hours after the incident. Nonetheless, I was released four months early for good behavior.

In 1950 I was arrested again and sentence to 10 years under Article 58 by the Special Council. During the investigation I was deprived of sleep for 3 months. My investigator, Major Goncharenko, interrogated me only at night. Because I tried to sleep during the day in my cell, I was stripped to my underpants and undershirt and put in a cold cell under a ladder where I could not sit down. If you have ever visited Lubyanka, perhaps you have been shown this place. I was put there often. When I signed the exit papers for the investigation, my prosecutor and investigator promised that I would have my day in court where I could defend myself. But there was no trial and after being held for 3 months in Byturka prison, I received a small "paper" with four lines: the Special Conference Decision. I was sentenced to correctional work camp, but was sent to Karangada Special Camp instead. Big numbers were hung on my chest, back and pants, and even on my cap, in the same way the fascists did it. For 5½ years I was everywhere: Karaganda, Norilsk, Siberia and Vorkuta; 10 prisons. Of the 5½ years, 4 years were spent in prisons and punishment cells because I protested the violence against and humiliation of honest people, and for fighting against the lawlessness administration of the camps and their prison chiefs.

Sometimes it is even hard for me to believe that all this has happened to me: weights, handcuffed in the figure of eight torture.

² Family Note: Saalfeld was liberated by the U.S. Army 87th Infantry Division on April 13, 1945.

³ Family Note: Two weeks after his liberation on April 13, 1945, Rotefan found his way north to the U.S. Army 69th Infantry Division near Colditz, Germany where he served before returning to Moscow later in 1945. Remember, Rotefan had been incarcerated by the Germans since he was 15 years old. He knew nothing of global politics. He understood little about and had no experience with Stalin's paranoia of Western influence in Soviet society. He was simply a newly-freed teenager who wanted to fight the enemy that had brutalized him for four years. The American 69th was his immediate and best opportunity, and as he said, they treated him with respect. Rotefan served The U.S. Army Fighting 69th Infantry Division until the war ended.

In the fall of 1952 in Norilsk I was put in a punishment cell after a beating where two of my ribs were fractured and my lung punctured. I coughed blood for a whole week. There were many similar incidents, almost too unbearable to relive as I write. I give you my word of honor that during my entire life I have never done anything to deserve these punishments or the injustices I have experienced.

On December 11, 1955 I was released immediately by the Vorkuta Special Commission to Reconsider Cases of Political Prisoners. I was liberated with my criminal record expunged, but I have not been fully rehabilitated.

At the present time I am in the Tuberculosis Institute—three months ago I was diagnosed with pulmonary tuberculosis. I doubt that you are surprised by my story. I don't know whether the Institute will be able restore my health. It is a shame that I should die at 30 years old—when after so much suffering I am finally back with my dear and loving family. My eldest son is 9-years old and has just completed his 2nd year of school with excellent marks. He had similar success in his 1st year of school and is thinking about becoming a surgeon. My youngest will be in 1st grade. You can imagine how much tribulation my wife has suffered these last 5½ years while working as a kindergarten teacher for 410 Rubles a month; how she struggles over the heartbreak of my illness. Without help, I struggle like a “fish on ice” with the desire to stay alive. My feelings of helplessness are sometimes overwhelming.

I write this letter to request full rehabilitation to that of an unblemished citizen in good standing. This rehabilitation will also erase the undeserved stains that my wife and children will otherwise have to carry in their personal histories as they go through life without me. This will also give them the benefit of my pension, which has not been paid for the last 6 months since my release because my illness has prevented me from working, and the law prevents my pension from being paid since I don't have a clean record without the rehabilitation.

I trust you, dear Comrade Furtseva E.A., that you won't ignore my request. I await your answer regarding rehabilitation.⁴

29.05.56 Eloyan R.

Prepared by Michael T. McKibben, website engineer for the 69th Infantry Division Association, and son-in-law of Jerry Hoovler, 69th Inf Div 272nd Inf Reg K Co, and Vladislav Eloyan, grandson of Rotefan Eloyan.

⁴ On May 14, 1957, the Military Board High Court of the USSR dropped all charges against Rotefan and closed his case. **Rotefan was fully rehabilitated.**

22 ИЮН 1956 Э
тов. Журавой В.Ф. — члену
секретариата ЦК КПСС, кан-
дидату в члены Президиума

от
г-на Слоян Готсфраде Мер-
ксовича, проживающего: Моск-
ва, Ч-75. Ч.С.Г. корт. 21. кв. 19.

Уважаемая тов. Журавая В.Ф.! Я про-
шу Вас выслушать меня и обещать
участь моей семье и моим. Постараюсь
как можно короче и явней передать
Вам свою историю. Начну с начала...

В июне 1941г. 15-летним мальчи-
ком я был зачислен добровольцем в
Огневой бронетанковый батальон
13-й Стрелковой дивизии. В октябре этого
же года тяжело раненный в левое бедро,
находясь в полевом госпитале, я оказал-
ся в плену. — Этот день был началом всех
моих дальнейших несчастий: голод,
бесконечные физические страдания через
зверство фашистов, а позднее и своих то-

решения надзирающей, похищение ~~и~~
также всяких человеческих достижений.
Молодость издоровил временем подворами
бел. Как только я слов почитал, я убе-
жден из меня и 2 м. ч. с палкой в руках,
и плавильной раной скитался из деревни в де-
ревню, прожил пару м. ч. в доме М. Михеева,
в д.р. Каменицын. Селенской обл. Но однажды
мне, много возможностей скрывающихся в деревне,
явился прямо в дом М. Михеева и арестов-
ан меня, отправивши в Армянского Метамор-
фический в-д Махотисе вблизи г. Замосквор.

Во все время пребывания в тюрьме я не забывал
Родные. Ужасно, нехорошо уверить себе,
что если я хочу рассказать то, что не хотел гово-
рить ни на следствии, ни в беседах с друзьями.
При желании можно найти свидетелей и друзей
в правдоподобности, вымышленных многофак-
тов. - В первый же м. ч. пребывания в в.р. на зна-
менном в-де в Армянском меня известили о
том, что я выражал протест над тюрь-
мой товарища, бывшего старшим мастером
машин (тогда мне было 16 лет). - Вот еще одна

из десятка подобных случаев, когда французы
били меня резиновым шлангом со свистом,
накажи и самого так, что я по 2 недели
валялся в бараке. — Однажды, во время проверки
меня наглым порозвал полицейский и избил
всего напак в кровь. Когда на следующий день
я спросил переводчика за что меня били — он от-
ветил: "За то, что ты кося на него — смотри."

К сожалению, такой случай повторился че-
рез 3 лет на родной земле: Оперуполковник
М-т Марасов в Дубовке, Карагандинской об-
(лагерь, где я находился в заключении), давая об-
ход, ударил меня пощечу. На следующий день,
на мой вопрос, он ответил мне теми же
словами: "За то, что ты кося на меня — смот-
ри." — Зверство и садизм французов — их боевое
привитие или инстинкт, но садизм Марасо-
ва отличался тем, что он не рожно всё делал
так, чтобы его не видели, но любил саму вещь.

В 1945 г. наш лагерь освободили американцы.
Они были нашими союзниками, были добры к нам
— русским военнопленным. Война продолжалась.
Горя дикой ненавистью к французам, жажда как

можно скорее вернуться в добродушную семью, я из-
завши немцами в рядах нем. солдат служил
до конца войны. После окончания войны, пройдя ^{процедуру}
так наз. фронтальных лагерей, утративших
человеческое достоинство, я вернулся домой.

Дома я узнал только о болезни отца и вестях о том,
что старший брат пошел в Вост. фр. Ойкроважно
говоря, я не почувствовал счастья... Мрачное майн-
райское положение отца и вообще всех, вот это
унизительное замещение анкеты при поступ-
лении на работу, где я должен был писать о про-
бывании в плену (а Вы знаете как люди смотрели
на это), несправедливость, личная судьба — всё
это давило на душу и делало жизнь совсем не-
интересной. Но вот в 1946г. я женился и забыв
обо всем почувствовал себя самым счастливым
человеком на земле. Я пошел родить 2 сына,
которых я так любил. Но в 1948г. со мной вы-
ступило несчастье. Совсем несправедливо, за то,
что я не позволил милиционеру при случай-
ном недоразумении в очереди напрасно оскор-
бить и ударить себя, сравнив его с франки-
стом, меня по 74 ст. посадили на 1 год. Ни

совместное заявление 10-15 чл. из очереди, свидетелей несправедливого френца, ни хороших. Ойба с моей работы, ни проведы жески ни много отменивший скоросменного приговора (~~в~~ суди-ли в птч. 2-3 часов) по моему личному френцу. Но за хорошую работу в камере меня выпустили на 4 чл. за работу.

В 1950 г. меня вновь арестовали и в особом Совету дали 10 лет по 58 ст. В период следствия в течение 3-х м. чл. мне не давали спать. Мой адвокат В. майор Гончаренко допрашивал меня только ночью, а за то что ночью спать вздремнул дали в камере — сажами в одну камеру и нижний рубашке под простыню, т.е. в холодную камеру, где спало много, что не было спать. Там Вы позднее были на Лубянке, то там, верно, показывали это место. Я, конечно, честно к тому попал. Когда я подписывал концы следствия, мой прокурор и следователь сказали мне, что будет суд, где я смогу оправдаться. Но суда никакого не было и пробыл еще 3 м. чл. в Бутырской тюрьме. Я получил маленькую "бумажку" с четырьмя строчками: Реш. Особ.

Совещ... Затем меня отправили не в Мерв.
груд. лат. - как было сказано в приговоре, а в
Карагандинские Спец. лагеря и снова, как и
в французских лагерях, навешали на меня
большие номера и на грудь, и на спине, и
на штанах и даже на ошейнике. За 5,5 лет
я побывал везде: Караганда и Норильск,
Сибирь и Воркута, побывал в 10 тюрь-
мах. Из 5,5 лет я 4 года пробыл в тюрь-
мах, бараках и камерах за протест про-
тив насилия и издевательств над честны-
ми людьми, за бороду против местного
произвола лагерных и тюремных начальств.
Порой мне самому не верить, что всё
это случилось со мной: гири, наручники,
которые на меня одевали восмеркой...

Осенью 1952г. в Норильске, при избиении
перед тем как посадить в камеру, мне по-
ложили 2 ребра в правом боку и пора-
нили ребрами левое, целую неделю шла
кровь горлом... Подобных случаев было
слишком много а вспоминать их невыно-
симо тяжело, как будто вновь всё пережи-

ваше... Дано Вам честное слово, что за
всю свою сознательную жизнь я не срываю
ни одного поступка, замышляющего
наказание, однако сколько непреврати-
мостью приёмлов переместил...

В 1955 г. 11 декабря я был освобождён
на месте Воркутинской комиссии по
пересмотру дел полит. заключ. Освобож-
ден со снятием судимости и без поречения
прав. Но, оказывается, это ещё не есть
работорговля.

В настоящее время я лежу в Пудерк-
м-те — 3 м. ^{назад} у меня открылся сильный
процесс пудерк. легких. Пройдав внешне-
измощенное в течение Вот не удивитесь
случившемуся факту. Не знаю сколько
мне еще вернуть здоровье. Фактно умираю
в 30 лет, когда после стольких страда-
ний вернулся в дорогу, молодую семью.
Мой старший сын — 9 лет, кончил 11 кл, как
и 1 кл. с одними 5 и думает сдать хирурга,
младший — нынче пойдет в 1 кл. Можете
себя представить сколько горя и мучений пере-

моя моя жена за эти 5,5 лет воспитательницей, если работа воспитательницей в Детсаду она получает оклад в 410 руб. И сколько новых мук и отраданий снова выкамота её даётся с моей болезнью. Не имея ниоткуда помощи, ~~она~~ ~~блестя~~ как рыба на меду, моя поддержка моего плеча. Мне бесконечно больно и трудно сознавать свою беспомощность...

Пишу это письмо с просьбой на реабилитацию. Кроме того, что реабилитация — это грязное, незаинтересованное понятие с "анкетными" данными моей жизни и дел, она ещё даёт возможность получить хоть что-то помощи и улучшения. Что ввиду того, что я заболел не проработав в т м. ч. в после освобождения мне по закону лечение не оплачивается.

Верю, уважаемая м. Фурцева В. В., что Вы не оставите без внимания моего просьбу! Буду ожидать на просьбу о реабилитации.

29.V.56г. Д. Селезн.